

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

но связанные в дальневосточной культуре с вечностью-бессмертием, которые вынесены в заглавие стихотворений. В самих текстах "море" ассоциируется с миром бессмертных (гора на побережье - гора-остров Пэнлай, мифическая обитель бессмертных; чайка - бессмертный у воды). В то же время с "морем" в этих стихотворениях связаны зрительные образы, в которых запечатлено данное мгновение (солнце над морем, "распускающееся", словно лотос; распеченные пеной волны, над которыми плавно парит чайка). "Море", представляющее и временное, и вечное, стимулирует мысленный выход за пределы данного мгновения, приобщение к "вневремени" (в ночь, к луне; в небо, где "пещеры бессмертных").

Рассмотрение контекстов "морских" стихотворений делает очевидным, что "море" в цикле несет повышенную нагрузку. С этим образом в цикле связано мироощущение личности, проявляющееся в конкретных обстоятельствах. Следует отметить и то, что такое внимание к "морю" и такая разносторонняя разработка образа в пределах сравнительно небольшого текста (мы имеем в виду цикл в целом), необычны для древней корейской поэзии.

¹ Д.В.Жданова, Стихотворения корейского поэта Чхве Чхивона (857-?), написанные осенью-зимой 884 г. - весной 885 г. (к структуре цикла), - ПИ и ПИКНВ, ХП/2, М., 1977, с.166-173 и др.

² О причинах этого см. М.И.Никитина, Представления об "образе" "старшего" в древней корейской поэзии (хянгга) и пейзажная поэзия на корейском языке ХУ-ХУШ вв., ПИ и ПИКНВ, ХШ.

Г.Д.Иванова

ОГАЙ - ПЕРЕВОДЧИК

Переводы художественной литературы играли особенно большую роль в Японии, начиная с последней трети прошлого века. Изолированная островная страна спешно приобщалась к мировой культуре. Не просто любопытство к жизни заморских народов, но насущная потребность самим войти в общий их круг, стать "гражданами мира" побуждала японцев активно развивать тогда переводческую деятель-

ность. Не зря в свое время Пушкин назвал переводчиков почтовыми лошадьми просвещения.

Начальный этап на этом пути отмечен преимущественным вниманием к Англии — соответственно ее экономическому и политическому весу в XIX столетии. В числе первых попали в Японию Шекспир, Вальтер Скотт, Теккерей, Диккенс. Родоводитель изучения английской литературы Цубоути Сёё (1859—1935) создал целую переводческую школу.

В области освоения русской литературы бесспорное первенство принадлежало Хасэгава Фтабатэй (1864—1909). Благодаря его подвижническому трудолюбию и таланту в японский культурный обиход уже с 80—90-х годов прочно вошли Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Белинский и Добролюбов. Знакомство с русскими классиками существенно повлияло на все дальнейшее развитие японской литературы, на формирование в ней реализма.

К литературе Германии и скандинавских стран впервые приобщил Японию Мори Огай (1862—1922). Судьба этого человека сложилась так, что он четыре года (1884—88) провел в германских университетах, изучая микробиологию и санитарии.

Но если медицина была, так сказать, его законной женой (кто-то выразился так применительно к Чехову), то литература стала сердечной привязанностью всей его жизни. В памяти потомков он остался прежде всего как писатель и переводчик.

В Берлине на Мари-штрассе поныне висит мемориальная доска: "Здесь жил в 1887—88 гг. Мори Огай (1862—1922) — основатель современной японской литературы, писатель, критик, первый японский переводчик "Фауста", произведений Лессинга, Клейста, Гофмана".

Перевод гениального творения Гёте, над которым Огай трудился много лет, был опубликован в Японии в 1913 г. Как пишет один из исследователей Огай, японцы тогда впервые как будто собственными глазами увидели готические храмы Европы с их стрельчатыми арками и цветными витражами, как будто собственными ушами услышали праздничный звон колоколов и божественную музыку органа.¹ Став фактом японской литературы, "Фауст" стимулировал творчество целого ряда японских художников.

Огай перевел также юношескую драму Гёте "Гётц фон Берлихинген", печатал в своем журнале "Сигарами-соси" роман "Страдания молодого Вертера" (переводчик Рокудо Яси), написал биографический очерк Гёте ("Гёте-дэн", 1913).

Из наследия Г.-Э.Лессинга им представлены драмы "Наташ Мудрый", "Эмилия Галотти", "Филот"; из Э.Клейста - поэма "Землетрясение в Чили".

Не один десяток значительных писателей Германии и Австрии стал известен японцам благодаря Мори Огай. Среди них могут быть названы Гауптман, Зудерман, Ведекинд, Лилленкрон, Гофмансталь, Р.М.Рильке. Были в числе его переводов и такие произведения, которые в свое время читались, ныне же практически забыты. Таков роман Лолы Киршнер (выступавшей под псевдонимом Осип Шубин) "Погребенное дерево" ("Уморэги", 1890 г.); таков рассказ Х.Ланда (Хуго Ландбергер) "Король зимы" ("Фу-но о", 1911 г.).

Норвежского или шведского языков Огай, понятно, не знал, да и никто их не знал в тогдашней Японии. Но свободное владение немецким открыло ему доступ к богатейшей скандинавской литературе. Из шведских писателей он переводил Сельму Лагерлёфф и Фриду Штеенхоф, из норвежцев - Ибсена и Бьернсона, из датских писателей Густава Вида, Г.Х.Андерсена.

Небывалый успех имел переведенный им роман Г.Х.Андерсена "Импровизатор" ("Соккё сидзин", 1892-1902 гг.), действие которого происходит в Италии.² Поэт-мечтатель Антонио и его возлюбленная Аннунциата вошли в число тех героев европейской литературы, которые прочно прижились на японской почве. Каждый образованный японец, если ему случается попасть в Рим, считает своим долгом посетить места, по которым в тоске бродил Антонио.

Целую эпоху в истории японской культуры составили переводы Г.Ибсена. Еще в начале 900-х гг. почти никто в Японии не знал норвежского драматурга. Но вот в 1903 г. Огай перевел фрагменты из стихотворной драмы "Бранд". Далее им были представлены "Йун Габриэль Боркман" (1909 г.), "Гедда Габлер" (1909), "Привидения" (1911 г.), написано предисловие к публикации драмы "Строитель Сольнес". Большой резонанс имело сценическое воплощение "Йуна Габриэля Боркмана" режиссером Осанаи Каору. Постановка же "Кукольного дома" на сцене Свободного театра (Дзюю гэкидзё, 1911 г.) стала настоящей сенсацией. Нора превратилась в пример для подражания, создавались "кружки по изучению Норы и Магды".³ К началу 10-х годов Ибсен приобрел в Японии необыкновенную популярность. Его идеи оказались созвучны и японским сторонникам "индивидуализма" и поборникам женской эмансипации. Психологические драмы Ибсена способствовали становлению нового японского театра (гэндай-гэки), существенно отличавшегося от традиционного синтетического театра с его деко-

ративностью, условностью, пантомимой.

Масштабы сделанного Огай в области перевода поражают. Помимо немецкоязычной литературы он познакомил своих соотечественников с десятками прозаиков и поэтов других стран Запада (через их немецкие варианты). Среди них - Вашингтон Ирвинг и Брет Гарт (США), О.Уайльд и Б.Шоу (Англия), Г.Д'Аннуцио (Италия), Ф.Мольнар и М.Ленгель (Венгрия), А.Додэ, Ж.-Ж.Руссо, Г.Флобер, (Франция).

Переводил Огай и русских писателей: Л.Толстого ("Отец Сергий", "Люцерн", "Архип"), И.Тургенева ("Дурак", "Призраки"), М.Лермонтова ("Тамань", "Фаталист"), Л.Андреева ("Кусак", "Жизнь человека", "Бен-Товит"), В. Короленко ("Записки о сахалинской ссылке"), Ф.Достоевского ("Крокодил. Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже"), М.Горького (из сказок об Италии). Данью моде того времени явились его переводы из таких авторов, как М.П.Арцыбашев, О.И.Дымов (Перельман), Е.Н.Чириков, М.А.Кузмин.

Подобного диапазона Япония до Огай не знала. Впервые европейские авторы выбирались не случайно, но на основе подлинного знания истории западной литературы во всем ее объеме. Кругозор японцев неизмеримо расширялся. Контакты с шедеврами мировой культуры поднимали их сознание на существенно новый уровень, помогали преодолевать национальную замкнутость. Усилился процесс модернизации в самой японской литературе - в смысле ее психологизации, большей динамичности стиля, обогащалась техника выражения.

Япония входила в круг мировых идей и художественного творчества, в ней совершался тот плодотворный синтез Востока и Запада, который, быть может, составляет самую характерную черту этой страны в наше время.

¹ Катаяма Тосихико "Гёте и Огай" в кн. "Мори Огай кэнкю" ("Изучение Мори Огай"), Токио, Тикума сёбо, 1971, с.61-65.

² У В.Г.Белинского есть статья: "Импровизатор, или Молодость и мечты итальянского поэта. Роман датского писателя Андерсена".

³ Магда - героиня пьесы Зудермана "Родина" (1893 г.), она была поставлена на сцене Императорского театра (Тэйкоку гёкидзё) в 1912 г.